

ЦЕРКОВЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ КАЗАКОВ В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ

О. В. РАТУШНЯК

Объектом исследования стали донское и кубанское казачество в эмиграции в 1920–1960-е гг. как наиболее организованная часть казачьего зарубежья на протяжении исследуемого периода. В работе показана география расселения и численность казаков-эмигрантов, отражены основные проблемы, с которыми они сталкивались во время своего вынужденного пребывания за границей. Одной из главных была проблема сохранения своей идентичности, своего самосознания. К факторам, которые помогали сохранить казачье самосознание, относились сохранение и развитие казачьей культуры, включая традиции и обычаи; воспитание на них подрастающего поколения. Важным институтом, определявшим жизнь казачества в условиях эмиграции, была Церковь. Более того, анализ духовной составляющей существования казаков за рубежом показывает, что роль Церкви в определенной степени была решающей в сохранении культурных традиций казачества и, как следствие, его национального самосознания. В какой-то мере только Церковь долгое время оставалась своеобразным местом притяжения казачества в условиях эмиграции, способствовала поддержанию связей казаков друг с другом и сохранению некоторых элементов традиционной казачьей культуры.

Стремление сохранить свое сообщество и свое самосознание было одним из факторов, определявших деятельность лидеров казачества и его рядовых членов в условиях эмиграции. Наиболее значимая роль отводилась ими привычной организации казачьего общества (сохранение института атаманства, создание станиц и хуторов), традиционной казачьей культуре и Церкви как неотъемлемым элементам социальной жизни казачества. Особое внимание при этом обращалось на процесс воспитания подрастающего поколения. В свою очередь, в самом процессе воспитания огромную роль играют исторические знания, которые не только являются связующей нитью поколений, но способствуют сохранению и развитию этнического и национального самосознания.

Часть донского и кубанского казачества оказалась за рубежом в результате поражения антибольшевистского движения в годы Гражданской войны и по-

следующей эмиграции. Основная масса донских и кубанских казаков эвакуировалась в составе Русской армии генерала П. Н. Врангеля в ноябре 1920 г. из Крыма (небольшая часть донцов и кубанцев оказались за границей еще в апреле 1920 г. в результате эвакуации из Новороссийска). После пребывания в течение нескольких месяцев в Чаталджинских лагерях (Турция) и на острове Лемнос (Греция) большинство казаков были перевезены в Болгарию и Королевство сербов, хорватов, словенцев (с 1929 г. Югославия). При этом кубанцы располагались преимущественно в Югославии, а донцы — в Болгарии. Были и другие пути выхода казаков за рубеж: через Финляндию (куда ушли казаки, направленные на подавление Кронштадтского мятежа), Польшу (участники советско-польской войны, интернированные в польских лагерях), Грузию (во время отступления весной 1920 г.), Германию (военнопленные Первой мировой войны, не захотевшие возвращаться в Советскую Россию) и др.

Всего в эмиграции оказалось около 38–40 тыс. донцов и 22–25 тыс. кубанцев. В течение первых 7–8 лет на родину вернулись более половины казаков. Часть казаков умерли от ран, болезней и старости. Впоследствии, в годы Второй мировой войны, за границу ушла значительная часть донского и кубанского казачества (значительная, но далеко не подавляющая!). К сожалению, в силу ряда объективных причин к настоящему времени нет возможности указать даже примерное число казаков второй волны эмиграции. Известно только, что самые крупные организованные казачьи структуры — Казачий стан и 1-я казачья кавалерийская дивизия (позже 15-й кавалерийский корпус войск СС) — насчитывали не более 40 тыс. и 25 тыс. человек соответственно. Однако подавляющее их большинство были выданы советским властям в рамках соглашений о заключенных между правительствами Великобритании, США и СССР (позднее к ним присоединилась и Франция).

Первоначально основными организационными структурами, которые связывали казаков в эмиграции, были казачьи части (Донской корпус и Кубанская казачья дивизия) во главе со своими командирами (Ф. Ф. Абрамов и М. А. Фостиков), а также войсковая организация, частично сохранившаяся за рубежом. Во главе Всевеликого войска Донского (ВВД) стоял атаман А. П. Богаевский; Кубанское казачье войско (ККВ) возглавил атаман В. Г. Науменко. Еще в январе 1921 г. атаманы казачьих войск Дона, Кубани и Терека (позже к ним присоединились астраханцы) для объединения своих усилий по проявлению «заботы об устройстве беженцев» и координации своих действий в этом направлении создали Объединенный совет Дона, Кубани и Терека¹. Постепенно казаки, разбросанные по всей Европе (а впоследствии по всему миру), объединялись в привычные для них структуры, а именно станицы и хутора со своими атаманами и правлениями. Со временем данный процесс получил организационное оформление в форме «Положения об управлении станицами и хуторами за границей». В нем отмечалось, что казачьи станицы и хутора создаются «в целях объединения и сплочения казаков за границей. Основными задачами данных организаций являются: юридическая и медицинская помощь, забота об инвалидах, одиноких

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6461. Оп. 1. Д. 274. Л. 2.

женщинах, детях и безработных, отстаивание интересов казаков за границей и удовлетворение их культурных и бытовых потребностей»².

Согласно статистическим данным о кубанцах на 1923 г., 93% кубанской диаспоры составляли мужчины, 4% — женщины, 3% — дети в возрасте до 16 лет. 55% казаков-эмигрантов были в возрасте от 20 до 30 лет, 25% — от 30 до 40 лет³. Примерно такая же картина наблюдалась у донцов.

Почти 90% казаков-эмигрантов составляли мужчины, многие из которых были холостыми. Они оседали за границей, женившись на местных уроженках, и постепенно утрачивали свои традиции, перенимали местные обычаи. Особенно быстрый процесс ассимиляции наблюдался в Болгарии, Чехословакии и Польше, где славянское население было наиболее близко к казакам в культурно-бытовом отношении.

Различного рода культурные организации и общества взаимопомощи казаков-эмигрантов стремились противодействовать процессу ассимиляции. В частности, целью созданного в Чехословакии в 1921 г. Общества кубанцев была «организация взаимопомощи кубанцев, проживающих в пределах ЧСР и состоящих членами общества, на почве трудовых и культурных интересов»⁴. Для достижения поставленной цели предполагалось устройство библиотек, общеобразовательных курсов и школ, издание книг и брошюр, проведение культурных вечеров. Подобные вечера проводились в основном в праздничные и воскресные дни на квартирах казаков, в казармах казачьих полков, в ресторанах и в помещениях, принадлежащих различным казачьим организациям, с целью отдохнуть в кругу своих соотечественников, послушать родные казачьи песни, поделиться друг с другом своими переживаниями, иногда для благотворительных сборов. В определенной мере данные вечера должны были содействовать большему сплочению казачества за границей.

В немалой степени консервации самосознания казаков в эмиграции должны были способствовать сохранение и распространение знаний об их историческом прошлом. Такого рода задача стояла перед Донским казачьим архивом и Историческими комиссиями ВВД и ККВ, целью которых было собирание и публикация материалов и документов, касающихся жизни казаков за рубежом, а также истории Дона и Кубани.

В Белграде 20 марта 1923 г. по распоряжению атамана Всевеликого войска Донского А. П. Богаевского была учреждена Донская историческая комиссия, чтобы «приступить к собиранию, обработке и изданию материалов по новейшей истории Донского казачества, со времени Русской революции 1917 г.»⁵. Председателем Комиссии был назначен В. А. Харламов.

В деятельности Донского казачьего архива (ДКА) и Донской исторической комиссии наблюдалось некоторое разделение функций: первый занимался сбором и хранением материалов по истории донского казачества, вторая ставила основной своей целью их публикацию⁶.

² ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 273. Л. 14.

³ Казачьи думы. София. 1923. № 16. С. 20.

⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 879. Л. 1.

⁵ Русские в Праге. 1918–1928. Прага, 1928. С. 52–53.

⁶ ГАРФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 136. Л. 3а.

В 1936 г. была образована Историческая комиссия ККВ, ее председателем стал кубанский атаман В. Г. Науменко. В отличие от Донской исторической комиссии, основной задачей Кубанской комиссии являлось собирание материалов по истории Кубанского казачьего войска и Кубани, что было связано с отсутствием у кубанцев за границей своего архива, функции которого были возложены на Историческую комиссию ККВ⁷. После Второй мировой войны большинство собранных материалов было вывезено В. Г. Науменко в США, где впоследствии на их базе был основан Кубанский войсковой музей, включающий в том числе архив и библиотеку Кубанского казачьего войска за рубежом.

Первые годы эмиграции казаки, как и большинство российских эмигрантов, жили надеждой на скорейшее возвращение домой. Со временем стало ясно, что данное возвращение откладывается на неопределенный срок. Кроме того, в среде казаков-эмигрантов стали наблюдаться явления аккультурации и ассимиляции. Атаманов и представителей казачьей интеллигенции беспокоил сам факт растворения казачества в массе общероссийской эмиграции и уж тем более процесс ассимиляции казаков населением принимающих стран. Потеря казаками социальной и этнической идентичности неизбежно приводила к тому, что казачьи атаманы, политические деятели от казачества теряли, условно говоря, электоральную группу, группу поддержки. Это послужило одной из главных причин, по которым как войсковые атаманы, так и представители казачьей интеллигенции стали все больше внимания уделять факторам, помогающим сохранить казачье самосознание. К такого рода факторам относились сохранение и развитие казачьей культуры, включая казачьи традиции и обычаи; воспитание на них подрастающего поколения. Одно из значимых мест в этом плане занимала история.

Исторические знания, призванные сыграть важную роль в сохранении казачьего самосознания и воспитании казачьей молодежи, включали в себя такие компоненты, как история казачества, родных казачьих краев и областей, история России.

В истории казачества, в свою очередь, делался упор на вопросы, связанные с происхождением казачества, и героические страницы его прошлого. В первом особо преуспели так называемые казаки-самостийники и казакийцы: самостийники выступали за самостоятельное существование казачьих краев и областей; казакийцы — за создание самостоятельного казачьего государства Казакии, включающей в себя все земли традиционного проживания казачества. И первые, и вторые настаивали на том, что казачество является особым этносом.

В этом плане интерес представляет сборник «Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества», изданный в 1928 г. в Париже Казачьим союзом. В данном сборнике были размещены ответы казаков и «неказаков» (казачьи атаманы, военные, духовенство, ученые, писатели, общественные и политические деятели) на вопросы, связанные с прошлым, настоящим и будущим казачества. Составители сборника особо подчеркнули, что «хотели бы также, чтобы казачья учащаяся молодежь, идущая на смену, нашла

⁷ Вольная Кубань. Белград, 1936. С. 27–28.

в этой книге толчок к тому, чтобы еще серьезнее заняться изучением казачьего вопроса во всей его широте»⁸.

Изучение героических страниц истории казачества должно было не только подчеркивать особые его качества как военно-служилого сословия, которое сделало службу по охране границ одной из главных и отличительных черт казаков, но способствовать воспитанию у казачьей молодежи патриотизма.

Несомненно, особое место в исторических знаниях занимал период революции и Гражданской войны. Наверное, это была самая популярная тема для обсуждения в казачьей среде. И хотя среди самих казаков-эмигрантов не было единого взгляда на оценку произошедших событий, но каждый из них, отстаивая свою точку зрения, пытался донести ее до других, в том числе и до подрастающего поколения. При этом независимо от того, как оценивались те или иные события, каждая версия содержала в себе элементы патриотизма (будь то убеждение, что казачество должно было сражаться за единое общероссийское дело освобождения от большевизма или только за свои края и области).

Был и другой взгляд на роль исторических знаний в воспитании и образовании казачьей молодежи. Так, в распоряжении командира Донского корпуса генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова от 26 января 1924 г. за № 04252 говорилось о необходимости сбора материала по Гражданской войне и при этом отмечалось, что «гражданская война... таит в себе богатый материал для науки побеждать, и притом не только материал для серьезных военно-научных исследований, но и очень ценные и наглядные примеры для обучения младшего командного состава...»⁹.

Понимая важность исторических знаний в деле сохранения казачьего самосознания и воспитания казачьей молодежи, правление Общеказачьей станицы имени атамана А. М. Каледина в Словении приняло решение о создании «при станице библиотеки и архива и навсегда поставило программу-максимум: собрать все, что когда-либо было напечатано о казачестве»¹⁰. При этом сделано это было с подачи еще одной организации — Общеказачьего сельскохозяйственного союза.

В целях удовлетворения интереса казачества и в первую очередь казачьей молодежи к истории Кубанского казачьего войска и Кубани первый атаман Кубанского казачьего войска за рубежом В. Г. Науменко взялся за составление «Исторической хроники Кубанского края и Кубанского казачьего войска»¹¹.

После Второй мировой войны В. Г. Науменко в 1959 г., будучи в США, приступил к изданию «Кубанского исторического и литературного сборника». Он обращал внимание казаков на то, что каждый кубанец должен знать историю своего войска. Он писал: «Я хотел бы, чтобы желающие изучить историю Войска смотрели бы на этот сборник как на курс заочного преподавания истории нашего Войска»¹².

⁸ Цит. по: Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д., 1992. С. 11–12.

⁹ ГАРФ. Ф. 6269. Оп. 1. Д. 44. Л. 27.

¹⁰ Там же. Ф. 5768. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.

¹¹ Науменко В. Г. Историческая хроника Кубанского края и Кубанского казачьего войска // Атаман В. Г. Науменко и его «Хроника». Краснодар, 2006. С. 47–245.

¹² Науменко В. Г. Свою историю надо знать // Кубанский исторический и литературный сборник. Оранжбург (США). 1960. № 5. С. 3–4.

В 1920–1930-е гг. в эмиграции, особенно в Чехословакии, в качестве средства сохранения казачьего самосознания и воспитания молодого поколения было распространено проведение разного рода лекций, докладов, сообщений, дискуссий по вопросам происхождения казачества, ключевым моментам его истории, его культуре и традициям. С лекциями выступали известные в то время историки и популяризаторы истории казачества, такие как И. Ф. Быкадоров, С. В. Маракуев, Т. М. Стариков, С. А. Федоров, Ф. А. Щербина и др.

В январе 1926 г. в г. Праге (Чехословакия) было создано «Общество по изучению казачества», одной из задач которого было удовлетворить потребность казаков-эмигрантов и в первую очередь казачьей молодежи в получении знаний об истории казачества и истории казачьих краев и областей¹³.

В казачьих военных училищах, ушедших в эмиграцию, — Алексеевское (кубанское) и Атаманское (донское) — первоначально проводились обязательные занятия по истории войск¹⁴. Позже, в связи с вынужденным обеспечением своего существования в тяжелых условиях эмиграции, среди чинов училища, так же, впрочем, как и среди чинов других казачьих частей, организовывалось чтение исторической литературы и проведение бесед на историческую тематику (преимущественно по истории России, казачества и казачьих краев).

Говоря о воспитании подрастающего поколения казаков, сразу вспоминается, что воспитание является и частью образовательного процесса как такового. Однако в данном случае говорить о роли школьного образования и, как следствие, воспитания казачат не приходится. Это связано с тем, что именно казачьих школ в эмиграции не было. Дети казаков, как и дети российских эмигрантов в целом, посещали вначале преимущественно русские образовательные заведения, а позже, когда стало ясно, что процесс эмиграции затягивается, с целью лучшей адаптации к жизни в чужой стране — местные школы. Хотя еще долго существовали, а в некоторых государствах существуют до сих пор так называемые воскресные школы, устраиваемые чаще всего при православном храме.

Исключение в этом плане составляли 2-й Донской кадетский корпус и Мариинский Донской (женский) институт. К сожалению, в нашем распоряжении нет сведений о том, была ли казачья составляющая в образовании в Мариинском Донском институте. В кадетском же корпусе определенное количество часов отводилось на занятия по истории, включая историю казачества. Продолжалось это вплоть до начала 1930-х гг., когда корпус фактически прекратил свое существование.

Важным институтом, определявшим жизнь казачества в условиях эмиграции, была Церковь. Более того, анализ духовной составляющей существования казаков за рубежом показывает, что роль Церкви в определенной степени была решающей в сохранении культурных традиций казачества и, как следствие, его национального (этнического) самосознания. Управляющий отделом народного просвещения Всевеликого войска Донского В. Светозаров писал: «Из всех духовных запросов на чужбине, в особенности в тяжелой жизненной обстановке,

¹³ ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 200. Л. 1–2.

¹⁴ Там же. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 9. Л. 122.

прежде всего в душе беженца заговорил голос религиозного чувства»¹⁵. С первых же дней своего пребывания на острове Лемнос участниками новороссийской эвакуации с благословения епископа Екатеринославского и Новочеркасского Гермогена была основана церковь. Она располагалась во втором Донском лагере в большой палатке. Вскоре при ней был организован хор под управлением профессора И. В. Татаркина. Впоследствии, в силу того что данная церковь не вмещала всех желающих, была открыта еще одна церковь, где также был организован хор из числа беженцев¹⁶.

Позже, осенью 1920 г., в Чаталджинских лагерях и на о. Лемнос были размещены казаки, эвакуированные вместе с Русской армией генерала П. Н. Врангеля. С первых дней своего пребывания казаки сразу же создавали церкви, которые размещались в палатках и бараках. «Из подсобных материалов сооружались алтари, для иконостасов сдавались личные, семейные иконы. Церкви украшались цветами, любовно вышитыми женами офицеров покрывалами и рушниками. И это притом что греческие власти выделили для православных русских братьев старинную церковь Святых архангелов в городе Мудрос»¹⁷.

Примерно в это же время за границей оказался Донской имени Александра III кадетский корпус. Корпус был размещен в Египте, недалеко от г. Измаилья, на берегу Крокодилового озера. Здесь в лагере «стараниями кадет при поддержке энергичного священника отца Дмитрия Троицкого была устроена в одном из бараков церковь». Благодаря усилиям о. Дмитрия Троицкого и Н. М. Верушкина из кадет был создан хор. Особенно большое впечатление служба в церкви и хор произвели на греков, живших в окрестностях лагеря. Несмотря на расстояние, они часто приходили в лагерь, чтобы послушать службу и певчих. Греки часто дарили церкви и хору вещи как религиозного, так и светского характера. Благодаря своей известности и стараниям о. Дмитрия большая часть хора смогла съездить на богомолье в Иерусалим¹⁸.

Интересна история возникновения церкви при Кубанском военном училище имени генерала М. В. Алексева. Церковный храм возник первоначально во время пребывания училища на о. Лемнос, куда оно было вывезено с основной массой кубанцев после Крымской эвакуации в 1921 г. Храм получил имя Святого Архангела и Архистратига Михаила в честь покровителя училища и покойного шефа училища генерала Михаила Васильевича Алексева. Храм размещался в специально выделенной палатке и имел характер лагерьной церкви. В течение почти полугода храм был центром духовной жизни не только училища, но и всего беженского лагеря. Однако летом 1921 г. по невыясненным причинам палатка была охвачена пожаром и сгорела дотла. Сохранились только два священнослужительских облачения и несколько богослужебных книг, которые были во время пожара за пределами палатки. Чудом сохранились деревянный крест, венчавший

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 616. Л. 9, 62.

¹⁶ Там же. Л. 62–67.

¹⁷ Решетников Л. П. Русский Лемнос: Исторический очерк. М.: Новоспасский монастырь, 2009. С. 32.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 37. Л. 10а – 15.

храм, и обгорелое Святое Евангелие, которые все последующее время хранились при училище как бесценные реликвии¹⁹.

В скором времени училище было переведено в Болгарию, в г. Тырново-Сеймен. Первоначально служба велась в местном храме. Ее по очереди вели болгарский священник и училищный законоучитель протоиерей о. Дмитрий Трухманов. Училищный хор из юнкеров и офицеров, певший под управлением талантливого регента полковника Андрея Ильича Артемьева, привлекал в болгарскую церковь не только русских, но и болгар, раньше редко посещавших церковь.

Со временем возникла мысль об устройстве своего училищного храма. В начале 1923 г. по инициативе начальника хозяйственной части училища полковника А. Н. Чеботаева, с одобрения и разрешения начальника училища генерал-майора О. И. Лебедева и с благословения протоиерея о. Дмитрия Трухманова было начато воссоздание училищного храма. К первой неделе Великого поста был устроен молитвенный дом с несколькими образками, сделанными из бумаги, и двумя красными хоругвями без древков — полученными училищем еще на Лемносе от первого хирургического госпиталя после его расформирования. Затем по распоряжению начальника училища, который проникся желанием возвести храм к Вербному воскресенью, были выделены на его постройку лесной материал, палатка и деньги (1,5 тыс. левов). Уже ко второй половине Великого поста был сооружен иконостас с царскими вратами и местом на четыре иконы, отгородивший алтарную часть от общего храма. Первоначально на месте иконостасных икон были наклеены небольшие бумажные иконки, так как для создания больших икон не хватило выделенных средств. Однако полковник Берегов (Беречев), ктитор соседнего артиллерийского училища, размещавшегося в Софии, передал новоявленному храму во временное пользование четыре прекрасные большие иконы с изображением Спасителя, Богоматери, Святого Архангела Михаила и Святого Сергия Радонежского. Эти иконы были сразу же вделаны в иконостас. Позже были поставлены престол и жертвенник, а также куплен материал, из которого супруга полковника Чеботаева сшила безвозмездно облачения для этих священных предметов. Заведующий мастерскими училища штабс-капитан Александр Иванович Фоменко совместно с другими мастерами сделал красивое и оригинальное паникадило на 12 свечей, древки на хоругви, запрестольный выносной крест, три ставника, два аналоя и гробницу для Священной Плащаницы. И к Вербному воскресенью храм был готов, освящен, и в этот же день было совершенно первое торжественное всенощное служение. Воссозданный храм стал средоточием многих верующих, располагавшихся в Тырново-Сеймене и его окрестностях. Впоследствии храм Алексеевского училища довольно часто представлял церковные сборы на разные благотворительные и патриотические цели²⁰.

Позднее, в связи с тем что большая часть чинов Кубанского военного имени генерала Алексеева училища переехали из Болгарии во Францию, туда была переведена и походная церковь училища. В ее ремонте и восстановлении прини-

¹⁹ ГАРФ. Ф. 6038. Оп. 1. Д. 31. Л.16.

²⁰ Там же. Л. 2–3а.

мала участие вся русская колония в г. Риве. При церкви имелся свой священник и хор певчих²¹.

Практически в большинстве образовательных учреждений (и в первую очередь в начальных и средних школах русской эмиграции), как и в дореволюционной России, велись церковные предметы. И это была не дань традиции, а насущная потребность самих эмигрантов. Позже, когда многие русские школы за границей были закрыты, дети казаков, посещая образовательные учреждения Франции, Германии и др., в большинстве своем получали дополнительное образование в так называемых приходских школах, где также большое внимание уделялось религиозному воспитанию.

Важен тот факт, что церковный раскол Русской Церкви в конце 1920-х гг. «практически не породил проблем на уровне приходов, за исключением тех немногих случаев, когда взгляды священника и паствы расходились или когда два священника с разными мнениями претендовали на одно и то же место»²². И если на уровне церковных иерархов и идеологов Русского зарубежья раскол породил ожесточенные споры, то основная масса казачества к ним была в целом индифферентна. Главным для казаков-эмигрантов была сама возможность принимать участие в богослужениях, которая в значительной степени являлась значимым психологическим аспектом адаптации к жизни за рубежом.

Интересен и тот факт, что годы советской власти оказались не властны над казачеством, оставшимся на родине, и казаки по-прежнему были олицетворением связи воинства с Православной Церковью. В 1943 г. часть казаков, отступающих на запад с немцами под натиском Красной армии, объединилась в Казачий Стан. Практически сразу после объединения, когда Казачий Стан был размещен в районе г. Новогрудок (Белоруссия), здесь образовались приходы казачьих станиц, позднее объединенные в своеобразную Казачью епархию во главе с протоиереем Василием Григорьевым. Большинство священников прошли с казаками весь тяжелый путь от родных краев до Северной Италии (последнее место пребывания Казачьего Стана до его сдачи в плен англичанам). В каждой казачьей станице были свои священники, а в скором времени при всех полковых штабах были созданы походные церкви и певчие хоры²³. Священники прошли с казаками весь крестный путь до момента выдачи советским войскам в районе Лиенца (Австрия). Значимым в рамках данной темы является и тот факт, что в день выдачи казаков британскими войсками священники начали литургию, которая объединила всех — взрослых казаков, женщин, детей. Практически большинство священнослужителей были наравне с другими казаками выданы советскому правительству и испытали все тяготы и лишения советских лагерей. Во многих случаях, когда выдача проходила с применением силы, казаки часто своими телами старались прикрыть женщин, детей и священников. Несмотря на практически

²¹ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 238. Л. 2.

²² Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939 / Пер. с англ. М., 1994. С. 159.

²³ Шкаровский М. В. Казачий Стан в Северной Италии и его церковная жизнь // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: Международная научная конференция. М., 2006. С. 191, 194.

безнадежное положение во время выдачи и трудности последующего пребывания в лагерях для перемещенных лиц (тех, кто избежал возвращения на родину), часть казаков сумели сохранить церковные хоругви, которые развевались над Казачьим Станом в дни выдачи. Более того, позднее, уже переехав в США, Кубанский войсковой атаман генерал В. Г. Науменко прикладывал значительные усилия, чтобы разыскать эти хоругви и тех казаков, которые их сумели спасти²⁴.

Изучение истории пребывания казаков за границей показывает, что Церковь играла большую роль не только как социально-адаптационный механизм, но и в сохранении национального самосознания эмигрантов. Православие тесно связывало их с родиной. И неслучайно, куда бы ни забрасывала судьба казаков, всюду создавались церкви или часовни. Многие казаки с удовольствием пели в церковных хорах. Причем в Болгарии, Греции и других странах местные жители часто приходили послушать и посмотреть церковную службу в казачьих церквях.

Однако, несмотря на все попытки казаков сохранить свои культурно-исторические традиции, несмотря на то громадное значение, которое придавалось воспитанию казачьей молодежи и сохранению казачьего самосознания, подрастающее поколение со временем все более и более подвергалось влиянию тенденций аккультурации и ассимиляции. Особенно сильно это проявилось после Второй мировой войны, когда не только исчезла надежда на возвращение на родину, но и сами казаки стремились расселиться как можно дальше от своего отечества. В какой-то мере только Церковь долгое время оставалась своеобразным местом притяжения казачества в условиях эмиграции, способствовала поддержанию связей казаков друг с другом и сохранению некоторых элементов традиционной казачьей культуры.

Ключевые слова: российская эмиграция, казаки-эмигранты, казачье зарубежье, донское казачество, кубанское казачество, культура казачества, традиции казачества, Русская Православная Церковь.

CHURCH AND HISTORICAL KNOWLEDGE AS ELEMENTS OF THE YOUNGER GENERATION EDUCATION AND PRESERVATION OF THE COSSACKS' NATIONAL IDENTITY IN CONDITIONS OF EMIGRATION

O. RATUSHNYAK

The article analyzes the role of church and historical knowledge in the education of the coming generation and preserving of the Cossack emigrants' identity in 1920–1960s. The study object is presented by Don and Kuban Cossacks as the most organized part

²⁴ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 60.

of the Cossack emigre during the research period. The paper deals with the settlement geography and number of the Cossack emigrants. The main problems of their constrained residence abroad are being showed. One of the main problems was the problem of preserving identity. Among factors which were helping to preserve the Cossack identity there were preserving and development of the Cossack culture including the Cossack traditions and customs; education of the coming generation. The church was important institute defining the Cossack life under conditions of emigration. Moreover analyzing the spiritual aspect of the Cossack residence abroad shows us that the role of church to some extent was the decisive one in preserving cultural traditions of the Cossacks and its national/ethnic identity as consequence. In some way only the church for a long period of time was some unique magnet for the Cossacks under conditions of emigration. It contributed to communication between Cossacks and preserving some elements of traditional Cossack culture.

Keywords: emigration, Russian emigration, Cossack-emigrants, Cossack émigré, Don Cossacks, Kuban Cossacks, Cossack culture, Cossack traditions, church, the Russian Orthodox Church.

Список литературы

1. Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д., 1992.
2. *Науменко В. Г.* Историческая хроника Кубанского края и Кубанского казачьего войска // Атаман В. Г. Науменко и его «Хроника». Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2006. С. 47–245.
3. *Науменко В. Г.* Свою историю надо знать // Кубанский исторический и литературный сборник. Оранжбург (США). 1960. № 5. С. 3–4.
4. *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939 / Пер. с англ. М.: Прогресс-Академия, 1994.
5. *Решетников Л. П.* Русский Лемнос: Исторический очерк. М.: Новоспасский монастырь, 2009.
6. Русские в Праге. 1918–1928. Прага, 1928.
7. *Шкаровский М. В.* Казачий Стан в Северной Италии и его церковная жизнь // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: Международная научная конференция. М., 2006. С. 190–208.